

Сведения о выполненных работах в 2021 году
по проекту **«Проблема исторической ответственности: этико-нормативные
основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»**,
поддержанному Российским научным фондом
Соглашение № 19-18-00421

Руководитель Сыров Василий Николаевич, д-р филос. наук

Для разработки комплексной модели исторической ответственности был продолжен анализ современных этико-нормативных и социально-философских подходов, направленных на изучение места и роли темы ответственности. Подчеркнуто, что актуализация идеи ответственности свидетельствует о существенных изменениях в ценностном отношении к прошлому на всех уровнях и формах его осмысления. Отмечено ее значение для развития новой теоретической дисциплины – исторической этики. В качестве общей методологии анализа предложен конструктивистский подход. Он позволил выработать теоретико-методологические основания синтеза этих подходов. На его основании был выдвинут тезис, что базисом для синтеза этико-нормативных и социально-философских подходов может выступить определенная интерпретация моральной теории. В качестве ее основания ее построения предложен когерентизм как совокупность взаимно поддерживающих друг друга положений. Утверждается, что такое согласование требует введения более общего положения (морального принципа) и демонстрация его согласованности с конкретными правилами и процедурами их применения. Обоснована предпочтительность кантовской идеи уважения к достоинству как кандидата на статус такого принципа. Показано, что данная идея обеспечивает более широкий контекст для опознания ситуаций, притязающих на статус моральных и интерпретации смысла исторической ответственности.

Показано, как полученные результаты могут быть применены при разработке комплексной модели исторической ответственности. На основании применения конструктивистской методологии, показано, что трактовка исторической ответственности предполагает толкование прошлого либо как по большей части совокупности травматических событий, остающихся болезненной частью современности, либо как формы нашего знания о нем. Утверждается, что трактовка прошлого как формы знания обеспечивает выработку нарративных форматов, которые предоставляют более широкий контекст понимания прошлого и более взвешенное отношение к нему. Предлагаемый нарративный формат выходит за пределы оценок действий отдельных людей и событий и включает в себя как признание заслуг, так и принятие вины, что придает созданной общей картине более взвешенный характер. На его роль предложена идея трагического опыта. Отмечен ее потенциал для придания универсальности исторической ответственности и обеспечения диалога между различными социальными и культурными позициями. Подчеркнуто, что моральный статус исторической ответственности может быть обеспечен лишь в рамках трактовки памяти (знаний) о прошлом как необходимого

структурного элемента социальных отношений, построенных на реализации взаимного уважения, особенно в публичной сфере.

В ходе исследования медиа-репрезентаций исторической ответственности была сформулирована комплексная модель, предполагающая различные стратегии соотношения дискурса исторической ответственности с медиасредой. Сциентистская стратегия предполагает критическое отношение медиа к исторической ответственности, что приводит к рискам полного отсутствия моральной рефлексии по поводу событий прошлого. Инструментальная стратегия исходит из понимания медиасреды как пространства трансляции дискурсов, порожденных определенными политическими акторами, что создает риски утилитарного понимания самого дискурса ответственности как орудия в руках конкурирующих политических элит. Плюралистическая стратегия исходит из множественности акторов исторической ответственности, в число которых включаются и медиа, что усложняет алгоритмы, достижения символического консенсуса между альтернативными дискурсами.

Показано, что разработка комплексной модели предполагает анализ социальной субъектности исторической ответственности и выявление основных акторов ее осуществления. С этой целью предпринят анализ социокультурной обусловленности исторической политики, а именно действий гражданских активистов. Отмечена явная или неявная обусловленность действий гражданских активистов, политических и общественных деятелей или историков сходными дискурсивными стратегиями и риторическими фигурами. В данном контексте также предпринят анализ характера ответственности исследовательского сообщества. Показано, что конструктивистский подход обеспечивает наиболее оптимальные условия для ее реализации в виде определенной организации знания, а именно его трактовки как коммуникативного отношения, предполагающего комплекс взаимных обязательств автора и читателя. Предполагается, что такая трактовка коммуникации может стать основанием для публичной активности члена научного сообщества и способствовать выработке новых форматов исторического дискурса, построенных на принципах исторической этики.

В трактовке основных социальных акторов исторической ответственности и условий достижения консенсуса между ними была показана необходимость дополнить кантовские идеи поиском социальных оснований исторической ответственности. Был выдвинут тезис, что при рассуждении о коллективной ответственности следует говорить не о личной ответственности, а о присвоении коллективной ответственности личностью, а при оценке степени ответственности учитывать уровень вовлеченности индивида в структуру и качество выполняемых задач. Ответственность, таким образом, будет трактоваться как распределение степеней ответственности.

Был продолжен анализ существующих направлений российских внутри- и внешнеполитических стратегий репрезентации исторической ответственности. Показано (на примере Татарстана) в рамках авторской концепции «моральной» экономики, что внутривнутриполитические стратегии могут быть связаны с иерархизацией территорий. Наиболее значимые объекты, наделенные сакральным и идеологическим

статусом, будут располагаться в «центре» и отражать основные положения местной идеологии. Они становятся базисными для дальнейшей интерпретации социально-политических и экономических реалий и обязательными для трансляции широким слоям населения. Утверждается, что сохранение древних артефактов в целом превращается в сложный процесс взаимодействия индивидов и коллективов с разными моральными, религиозными, национальными, финансовыми и политическими взглядами и интересами. Выявлено, что сам процесс охраны археологических памятников часто носит ситуационный характер и обусловливается необходимостью решения региональных социально-культурных проблем. В качестве иллюстрации показано, как начавшееся с 2010 г. в Татарстане «возрождение» архитектурно-археологических памятников Болгарского городища может быть интерпретировано в контексте взаимоотношений федеральной и региональной политической элит и официально принятого в республике бинарного (русские/татары) этноориентированного взгляда на местное население. На основе анализа конструирования мифологии вокруг Болгара рассмотрены формы проявления социальной субъектности исторической ответственности, соотношения коллективной и индивидуальной ответственности, психологических особенностей «ухода» от признания моральной ответственности. Отмечено, как для репрезентации образов исторической вины и ответственности в межэтнических и межгосударственных отношениях используются работы профессиональных историков и археологов. Поэтому актуализирован вопрос об их ответственности за те или иные способы публичной презентации результатов своих исследований. Выдвинута гипотеза об актуальности компаративистского изучения советского опыта коммуницирования между учеными и властью при изучении современных публичных дискуссий о прошлом (включая т.н. «войны памяти»). Показано, как характер аргументации может определяться не поиском истины, а спецификой социально-культурной ситуации. В контексте особенностей формирования акторов исторической ответственности показано, как негативные аспекты ответственности с акторов прошлого могут переноситься на акторов настоящего. Показано, что «негативизация» политических конкурентов происходит через использование их нежелания принимать ту или иную версию событий прошлого. Был развит выдвинутый ранее тезис, что психологическую основу личной и коллективной (корпоративной) вины и ответственности за историческое мифотворчество составляют архаические реципрокно-редистрибутивные отношения.

Были рассмотрены условия достижения консенсуса между акторами, позволяющие минимизировать социальные и политические риски исторической ответственности. Подчеркнута роль выработки общих критериев для достижения консенсуса. Отмечено, что их становлению препятствует различное понимание цели, функции и нормативных практик исторической ответственности. Отмечена роль институциональной составляющей в исторической памяти, что повышает необходимость контроля эффективности мер исторической политики. Были выделены и проанализированы конкретные практики, определяющие оценивание в поле исторической памяти и ответственности: моделирование или заранее определенные конкретные меры и действия; сертификация или определение соответствия тех или

иных объектов или практик установленным стандартам; фиксация или направленность на оценку объектов, сохранившие постоянство и единство правил для всех вовлеченных акторов. Отмечено, что общие для всех акторов критерии эффективности способствуют прозрачности в распределении финансовых средств и тем самым минимизируют конфликты в борьбе за них. Отмечена ограниченность такого подхода вследствие нечетко сформулированных индикаторов эффективности, субъективной трактовки данных и различия мировоззренческих позиций. Предложена идея «граничных объектов» как объектов, которые медируют между социальными группами и ценностями, для минимизации конфликтов между акторами. Утверждается, что перенос концепции граничных объектов на критерии контроля «качества» социальной памяти дает возможность разработать общие критерии оценки. Утверждается, что данный подход в целом обеспечивает разработку и создание «разделяемых историй», а значит и пути согласия в определении исторической ответственности.

На основе теоретической модели дискурса исторической ответственности в контексте основных медиастратегий были разработаны конкретные рекомендации для органов федеральной и региональной власти. Специфика применения сциентистской, инструменталистской и плюралистической стратегий медиарепрезентаций исторической ответственности были рассмотрены в контексте космополитического, антагонистического и агонического проектов политики памяти. На основе анализа актуальных исследований были выявлены особенности усиления элементов антагонистического проекта в официальной политике памяти в России. Были выявлены и классифицированы основные рекомендации для использования сциентистской, инструменталистской и плюралистической стратегий медиарепрезентаций исторической ответственности на федеральном и региональном уровнях российской политики памяти. В рамках федерального уровня вопрос об использовании медиастратегий напрямую был увязан с вопросом о тех функциях, которые политика памяти должна выполнять в современной России (функция культурно-исторической ориентации, мотивирующая функция, функция преодоления конфликтов). Было выявлено, что наиболее оптимальной для современной российской практики использования медиаресурсов на федеральном уровне является комбинация на стыке сциентистской и инструменталистской стратегий в рамках космополитического проекта политики памяти. На основе представленных теоретических положений и рекомендаций для федерального уровня был подготовлен ряд рекомендаций для российских регионов.